

Елена Васильевна Киселева

Миссия Марка-Антуана Жюльена в Бордо (1794 год)

Французский ежегодник 1972

М.: Наука. 1974. С.175-192

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Марк Антуан ЖЮЛЬЕН (Жюльен-младший) 10.03.1775 — 4.04.1848

http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#m_a_jul

Для историков Великой французской революции изучение деятельности Марка Антуана Жюльена представляет большой интерес. По целеустремленности своей деятельности, революционному темпераменту, интересу к социальным вопросам, поставленным революцией, и высоким моральным качествам Жюльен принадлежит к лучшим представителям якобинцев¹.

Робеспьер высоко ценил Жюльена. В списке патриотов, обладающих талантами, составленном вождем якобинцев², и в списке лиц, которых Робеспьер считал наиболее стойкими, имя Жюльена мы находим рядом с именами братьев Пейянов, из которых младший (Клод-Франсуа) возглавил Парижскую коммуну весной II года. Подобно им, Жюльену дана характеристика энергичного и честного человека, способного выполнять ~~самые важные~~ обязанности³.

Жюльен не был оригинальным мыслителем, хотя и ~~владел незаурядным~~ умом⁴. Он не стал теоретиком якобинизма. Сила Жюльена состояла в неукоснительном соблюдении провозглашенного им самим принципа: «всегда следовать революционной системе»⁵. Хотя его деятельность в Бордо не была отмечена такими радикальными мероприятиями, как миссия Сен-Жюста и Леба в Рейнскую армию или Ж. Лебона в департаментах Па-де-Кале и Нор, но она дополняет наши представления о взаимоотношениях робеспьеристов и будущих термидорианцев в канун падения якобинской диктатуры.

Своим острием деятельность Жюльена была направлена против комиссаров Конвента Тальена и Изабо, покровительствовавших крупной бордоской буржуазии.

Уничтожение феодально-абсолютистских порядков, секвестр и конфискация земель духовенства и эмигрантов послужили мощным толчком для роста экономической мощи буржуазии. Ж. Санту, исследовавший влияние революции на изменение состояния и положения различных социальных слоев населения Тулузы, показал, какую решающую роль сыграло приобретение национальных имуществ в увеличении размеров собственности тех слоев тулузского населения, которые могли себе это позволить. Национальные имущества составили 76,62% от всей собственности, при-

---

¹ См. В. М. Даллин. Марк-Антуан Жюльен после 9 термидора.—«Люди и идеи. Из истории революционного и социалистического движения во Франции». М., 1970, стр. 37—41.

² E. V. Courtois. Rapport fait au nom de la commission chargée de l'examen des papiers trouvés chez Robespierre et ses complices. Paris, an. III, p. 139

³ Ibid., p. 141.

⁴ См. В. М. Даллин. Указ. соч., стр. 42.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 565.

обретенной в это время населением Тулузы. Причем на долю буржуазии приходилось 93,70% всех приобретенных национальных имуществ⁶.

Буржуазия завладела значительной частью национального имущества не только вследствие благоприятной для нее системы продажи, но и благодаря обладанию реальными возможностями к сосредоточению богатств в своих руках. Это особенно наглядно видно при сравнении количества приобретенного буржуазией Тулузы национального имущества с покупками, которые она сделала у частных лиц.

Национальные земли, купленные тулузской буржуазией, всего на 1% превышают приобретенные ею частные имущества, которые составляют 92,47%⁷.

На результаты продажи национального имущества в департаменте Жиронда решающим образом повлияла близость такого экономического центра, как Бордо⁸. Этот город накануне революции был крупным морским портом Франции. По обороту торговли колониальными товарами он опередил Гавр и Марсель⁹. Как и в Тулузе, буржуазия Бордо захватила большую часть национального имущества, продававшегося в департаменте. При этом превосходство буржуазии над другими слоями городского и сельского населения особенно было заметно в дистрикте Бордо. К бордоским негодьям отошли огромные земельные владения в окрестностях Бордо, а также недвижимая собственность в самом городе. Дельцы Нурлабад, Лувьер, Лагардер, Марейяк скупили вблизи Бордо земли бывших монашеских орденов — фейянов, бенедиктинцев, кармелитов и др.¹⁰ Помимо этого у духовенства были отняты дома в черте города. Это весьма существенный факт, если учесть, что большинство домов в Бордо принадлежало духовенству. Всего в период до вандемьера IX года (1800 г.) негодья Бордо приобрели 493 дома, секвестрованных у церкви¹¹.

Особое значение для департамента Бордо имела распродажа имущества эмигрантов. На его долю приходилось две трети всего состояния эмигрантов, пущенного в продажу во Франции¹². В дистрикте Бордо из 812 случаев распродажи имущества эмигрантов 596 раз торг заканчивался в пользу буржуазии и только 216 раз владельцами конфискованного оказались представители сельского населения¹³. В округе города почти все владения эмигрантов достались бордоской буржуазии. Огромные поместья Санту в 20 км от Бордо попали в руки 13 бордоских негодьям. Более того, собственность эмигрантов Санса, Кастиельно Лае в Бассансе, рядом с Бордо, перешла почти полностью к бордоским дельцам¹⁴. Таким образом, перераспределение собственности в департаменте Жиронда явилось, как справедливо отмечает М. Марион, настоящей революцией¹⁵. Буржуазия Бордо, ранее извлекавшая прибыль из торговли с колониями Мартиникой, Сан-Доминго и другими, во время революции активно старалась вложить капитал в национальное имущество. И в результате всего этого определенные ее слои не только избежали разорения, но и сохранили, а в некоторых случаях увеличили состояния, в тот

---

⁶ *J. Sentou*. La fortune immobilière des toulousains et la Révolution française. Paris, 1970, p. 171.

⁷ *Ibidem*.

⁸ *M. Marion*. La vente des biens nationaux pendant la Révolution. Avec étude spéciale des ventes dans les départements de la Gironde et du Cher. Paris, 1908, p. 51.

⁹ Bordeaux au XVIIIe siècle. Sous la direction de F. G. Pariset. Avec la collaboration de P. Bécamps, F. Crouzet, L. Desgraves, R. Pijason et J.-P. Pousson. Bordeaux, 1968, p. 197.

¹⁰ *M. Marion*. Op. cit., p. 53, 54.

¹¹ *Ibid.*, p. 52.

¹² *Ibid.*, p. 218.

¹³ *Ibid.*, p. 208.

¹⁴ *Ibid.*, p. 209.

¹⁵ *Ibid.*, p. 52.

период, когда революционное правительство во II году (1793—1794 г.) национализировало внешнюю торговлю.

Поставки в армию, спекуляция продовольственными продуктами и звонкой монетой также открывали перед буржуазией множество путей накопления богатств.

По верному замечанию Е. В. Тарле, «если мы вчитаемся в показания Тибодо, то увидим, что он говорит не о появлении богатства (после 9 термидора.— *Е. К.*), а лишь о том, что обнаружилась его внешняя сторона: обеды, балы, концерты, праздники, пышные охоты и т. д. А богатство уже существовало, оно только не смело прежде проявляться так открыто»¹⁶.

В то же время политика революционного правительства, стремившегося обуздать спекулятивные махинации, сохранить контроль над действиями крупной буржуазии, побуждала ее к борьбе с якобинским режимом.

Интересы крупной буржуазии выражали в Конвенте так называемые «деловые депутаты» — Тальен, Фрерон, Баррас, Мерлен из Тионвиля, Ребель, Лежандр, Тибодо и т. д.¹⁷

Эти депутаты составили костяк антиробеспьеристского заговора, который стал складываться уже с конца апреля 1794 г.¹⁸ Известно, какую крупную роль сыграли Фуше и Тальен накануне переворота. Именно они настояли на его совершении 9 термидора, в то время как успех выступления Робеспьера 8 термидора в Якобинском клубе внес растерянность в ряды заговорщиков. Боязнь разоблачений со стороны Жюльена, который в Бордо вскрыл преступные действия комиссара Тальена, без сомнения, побудила этого организатора переворота ускорить выступление. Не случайно, что уже 11 термидора (29 июля) Тальен потребовал ареста Жюльена за его деятельность в Бордо, прямо заявив, что Робеспьер был осведомлен о всех действиях своего «агента»¹⁹.

В настоящей работе использованы документы из хранящейся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС коллекции личного архива М. А. Жюльена, переданной туда его наследниками по совету Жоржа Буржена²⁰. Многие из этих документов не были использованы в обширной литературе, посвященной террору в Бордо, несмотря на то что в ней уделено немало места деятельности Жюльена в Бордо²¹. Как мы увидим ниже, они дополняют и расширяют наши представления о характере миссии Жюльена в Бордо²².

В августе 1793 г. Комитет общественного спасения отозвал 18-летнего военного комиссара М. А. Жюльена из армии в Восточных Пиренеях.

¹⁶ *Е. В. Тарле. Жерминаль и прериаль.* — Соч., т. 6. М., 1958, стр. 344.

¹⁷ *Ф. Буонарроти.* Заговор во имя равенства, т. 1. М., 1963, стр. 226.

¹⁸ См. А. З. Манфред. Великая французская буржуазная революция XVIII в. М., 1956, стр. 255.

¹⁹ *A. Vivie. Histoire de la terreur à Bordeaux. Bordeaux, 1877, v. 2, p. 321.*

²⁰ *J. Godechot. Notices.* — «Annales historiques de la Révolution française». Paris, 1961, p. 553.

²¹ *A. Vivie. Op. cit.; H. Wallon. Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements en l'an II (1793—1794), vol. 1—5. Paris, 1889—1890; G. Walter. Histoire de la terreur, 1793—1794. Paris, 1937; P. Bécamps. La Révolution à Bordeaux (1789—1794). J.-B.-M. Lacombe — président de la commission militaire de Bordeaux. Berlin — Paris, 1953.*

²² С московской коллекцией архива М. А. Жюльена были знакомы В. Александри и К. Державин, но материалы, связанные с деятельностью Жюльена в Бордо, не стали предметом их специального изучения. В. Александри опубликовала краткий обзор архива Жюльена («Из истории французской революции XVIII в.») в журнале «Борьба классов» (1935, № 5). Совместно с К. Державиным она также подготовила публикацию пьесы Жюльена «Обеты гражданок» («Литературное наследство», т. 29—30. М., 1937).

Эти публикации ценны тем, что содержат биографические сведения. Однако высказанная авторами точка зрения, что Жюльен был принципиальным противником террора в революции, представляется нам глубоко ошибочной. Это подтверждает и изучение миссии Жюльена в Бордо.

Энергия и организаторские способности молодого революционера, вооружившего в Тарбе (Верхние Пиренеи) в апреле 1793 г. за сутки 300 волонтеров, обратили на себя внимание²³. Комитет дает Жюльену новое поручение, «соответственно его способностям и революционным заслугам»²⁴. Ему вверяется руководство бюро комитета. Это постановление от 9 сентября 1793 г. было подписано Сен-Жюстом и Робеспьером²⁵. Тогда же, по всей вероятности, и происходит личное знакомство Жюльена с Робеспьером²⁶. 17 сентября 1793 г. комитет направляет Жюльена в миссию по департаментам Северо-Запада и Юго-Запада Франции, чтобы «следить за общественным духом и оживлять его, просвещать народ, поддерживать народные общества, выявлять внутренних врагов»²⁷. Жюльену предстояло посетить важные стратегические пункты: Гавр, Шербур, Сен-Мало, Брест, Нант, Ла-Рошель и Бордо²⁸.

Революционная твердость Жюльена ярко проявилась в его конфликте с комиссаром Конвента Каррье в Нанте.

В письмах к Робеспьеру в нивозе и плювиозе II года (январь — февраль 1794 г.) он резко критиковал поведение Каррье, отстранившегося от всякого участия в обороне города от наступающей вандейской армии. Он осуждал пренебрежительное отношение Каррье к нантскому народному обществу, его необоснованные жестокие репрессии и преследования патриотов: «Я видел Нант, необходимо спасти этот город; пусть Комитет общественного спасения с вниманием выслушает самых стойких нантских санкюлотов, которых я к нему направляю... Общественный дух подавлен, свободы больше не существует... Отзовите Каррье... Ты должен действовать немедленно, нельзя терять ни минуты»²⁹. Комитет тотчас же реагировал на донесения Жюльена и 18 плювиоза (6 февраля) отозвал Каррье из Нанта³⁰.

Этот отзыв Каррье явился одним из важных моментов в борьбе Робеспьера против «проконсулов», злоупотреблявших террором. Еще более важным эпизодом в этой борьбе стала миссия Жюльена в Бордо.

В Бордо Жюльен попал 12 жерминаля (1 апреля) и пробыл там с месячным перерывом (флореаль — май) до 11 термидора (29 июля), когда был отозван термидорианским Конвентом³¹. Обстановка в Бордо ко времени приезда в этот город Жюльена характеризовалась усилением модерантизма. Проводниками этой политики стали Тальен и Изабо. Эти комиссары Конвента попали в Бордо 17 октября 1793 г. во главе республиканских войск, посланных на подавление федералистского мятежа в центре жирондизма. Первые недели своего пребывания в Бордо Тальен и Изабо сурово карали контрреволюционеров. Но с декабря 1793 г. и особенно с начала 1794 г. ситуация изменилась. Обладая большими полномочиями и властью в городе, считая, что своими первоначальными мерами против мятежников они заслужили доверие революционного правительства, Тальен и Изабо превратились в покровителей крупной бордоской буржуазии и стали использовать свое положение для личного обогащения. Они не брезговали ничем. Взятничество, казнокрадство, вымогательство — и, как результат этого, смягчение террора против бо-

²³ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 591.

²⁴ Там же, ед. хр. 221.

²⁵ Там же, ед. хр. 223.

²⁶ Уже 21 сентября 1793 г., находясь в Гавре, Жюльен обращается к Робеспьеру с просьбой ходатайствовать в Якобинском клубе об обновлении его членского билета, ссылаясь при этом на то, что Робеспьер знает его лучше других якобинцев (*E. V. Courtois. Op. cit., p. 341*).

²⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 334.

²⁸ Там же.

²⁹ *E. V. Courtois. Op. cit., p. 361*.

³⁰ *A. Матье. Французская революция, т. 3. М., 1930, стр. 138.*

³¹ *A. Vivie. Op. cit., p. 325.*

гатых купцов. Тем самым Тальен и Изабо очень быстро скатились на позиции умеренных. Выступление «снисходительных» в Париже во главе с таким влиятельным деятелем революции, как Дантон, придало смелости их действиям. Вскоре Тальен создал в Бордо комитет трех, который должен был пересмотреть все дела арестованных. Прикрывая свою умеренную политику революционной фразеологией и заверяя Конвент, что «гильотина и огромные штрафы произведут чистку среди торговцев и искоренят валютные махинации и скупщиков»³², эти комиссары начали освобождать из заключения крупных бордоских негоциантов, присваивая себе наложенные на них штрафы. Вступив в контакт с местными воротиллами, Тальен и Изабо становятся и сами дельцами, нуворишами. Революция им больше не пужна. Она мешает им удовлетворять их страсть к роскоши, наслаждениям, богатству. Поэтому Тальен все чаще и чаще говорил о том, что революция закончилась. Ослабление репрессивных мер Тальен рассматривал как первое условие прекращения революции. В народном обществе 24 плювиоза (12 февраля) он поставил в тесную связь требование ограничения террора и милосердия по отношению к заключенным негоциантам с завершением революции³³.

Умеренная политика Тальена привела его к острому конфликту с революционным комитетом, который продолжал энергично арестовывать крупных бордоских купцов и отказался подчиниться постановлениям комиссаров³⁴. Столкновение комитета Бордо с депутатами Конвента отражало борьбу, происходившую во всей стране зимой 1793 г.—весной 1794 г. между «снисходительными» и левыми патриотами. В начале 1794 г. революционные силы Бордо потерпели поражение. 17 плювиоза (5 февраля) Тальен распустил революционный комитет и арестовал его членов³⁵. Комитет общественного спасения, информированный о поведении своих комиссаров агентами Исполнительного совета, подверг депутатов резкой критике. В брюмере он направил Тальену грозное предупреждение: «Комитет общественного спасения с удивлением видит, что многие приговоры, вынесенные военной комиссией, продиктованы недостойной революционеров оскорбительной слабостью. Чудовища, запятнанные роялизмом, сообщники федералистов, контрреволюционеры избежали меча правосудия, который должен был пасть на их виновные головы. Между тем они лишь приговорены к штрафу. Ценой золота не искупить оскорбление Республики, перед ее врагами не капитулируют»³⁶.

Комитет отменил постановление Тальена о роспуске революционного комитета, указав на опасность подобной меры в Бордо, где «торговая аристократия содействовала федерализму и на длительное время уничтожила революционный дух»³⁷. Осуждение политики комиссаров комитетом вынудило Тальена отправиться в Париж, чтобы оправдаться в своих действиях.

Усиление наступления «снисходительных», выразившееся в попытке Бурдона из Уазы поставить 22 фримера (12 декабря) в Конвенте вопрос об обновлении комитета, а также статьи «Старого Кордельера», тон которых становился все более враждебным революционному правительству, заставили Робеспьера энергичнее выступить против умеренных.

В конце 1793 г. Робеспьер недооценивал опасность «снисходительных» и даже утверждал, что «модерантизм — навсегда побежден»³⁸.

³² «Moniteur», Réimpression, № 93, 3 нивоза II г. (23 декабря 1793 г.)

³³ А. Vivie. Op. cit., p. 182.

³⁴ Ibid., p. 168.

³⁵ Recueil des Actes du Comité de salut public, publié par A. Aulard, t. X. Paris, 1897, p. 717.

³⁶ H. Wallon. Op. cit., p. 205.

³⁷ A. Aulard. Op. cit., t. XI, p. 257.

³⁸ Oeuvres de M. Robespierre. Discours, t. X. Paris, 1967, p. 267 (речь Робеспьера 3 нивоза (23 декабря) 1793 г.).

Непротивление Робеспьера аресту Венсана и Ронсена, выступления с обвинениями против секционных обществ облегчали «снисходительным» их атаки на революционный режим. В начале 1794 г. Робеспьер осознал опасность оппозиции умеренных. В Якобинском клубе 18 и 19 нивоза (7 и 8 января) он разоблачил «новых бриссотинцев» «как наиболее опасных и коварных, вносящих в Конвент умеренные предложения, которые патриоты не могут принять, поскольку долг обязывает их воздерживаться от подобных предложений»³⁹. Речи Робеспьера 5 нивоза (25 декабря), 17 плювиоза (5 февраля), 1 жерминаля (21 марта) звучали как прямая угроза в адрес дантоистов⁴⁰.

Выступление Робеспьера против «снисходительных» определило отношение комитета к шагам, предпринятым Тальеном по приезде в Париж. Тальен безуспешно пытался проникнуть в комитет. 13 вантоза (3 марта) он сообщил Изабо: «Комитет общественной безопасности и Комитет общественного спасения настолько перегружены работой, что к ним невозможно даже приблизиться»⁴¹. Попытки Тальена найти поддержку в Якобинском клубе также окончились неудачей, 19 вантоза (9 марта) в нем выступила бордоская делегация, которая заявила, что Бордо находится «во власти контрреволюции» и что «все принципы ослабли в этой коммуне, где полностью возобладала снисходительность и где одни лица, которые содержатся под стражей, свободно прогуливаются по улицам, а другие, приговоренные к заключению, освобождены»⁴². Но в Конвенте выступления Тальена встретили одобрение депутатов и при переизбрании бюро 1 жерминаля (21 марта) он стал председателем Конвента⁴³. Прием, оказанный Тальену депутатами, свидетельствовал об укреплении в Конвенте умеренных сил, что явилось следствием противоречивой политики робеспьеристов весной 1794 г.

Избрание Тальена председателем Конвента было вызовом правительству, готовившемуся со своей стороны расправиться с правой оппозицией. 29 вантоза (19 марта) Колло д'Эрбуа выступил в Якобинском клубе против «снисходительных»: «Клика, которую вы только что уничтожили, не единственная; имеются и другие, желающие воспользоваться падением одной из клик, для того чтобы возвыситься самим. Вы не должны этого терпеть, от падения этих клик выиграет только общее дело»⁴⁴. Робеспьер на следующий день в Якобинском клубе также настаивал на уничтожении оппозиции⁴⁵.

1 жерминаля (21 марта) на заседании клуба Робеспьер ополчился на Тальена, упомянувшего в своей речи о том, что казнь эбертистов обрадовала аристократов. Робеспьер энергично воспротивился напечатанию этой речи и в своем ответе, не скрывая своей враждебности к Тальену, подчеркнул, что эшафот ожидает всех заговорщиков⁴⁶.

Приезд Жюльена в Бордо открывает новый этап в борьбе Робеспьера с Тальеном и в лице последнего с будущими термидорианцами.

В Бордо Жюльен направляет борьбу революционных элементов против умеренных, которых рассматривает как основное препятствие на пути развития революции. «Я предупреждаю о грозной опасности, которую таит в себе политика умеренности,— говорил он в народном обществе.— Это из-за нее процветает в Бордо спекуляция, а Марсель оказался в лагере федералистов. В Лионе же, в прошлом процветающем

³⁹ *M. Robespierre*. Op. cit., p. 301.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 272—283, 350—367, 407—411.

⁴¹ *P. Bécamps*. Op. cit., p. 286.

⁴² «*Moniteur*», Réimpression, № 177, 27 вантоза II г. (17 марта 1794 г.).

⁴³ «*Moniteur*», № 183, 3 жерминаля II г. (23 марта 1794 г.).

⁴⁴ *La Société des jacobins. Recueil de documents sur l'histoire du club des jacobins de Paris* par F.-A. Aulard, t. VI. Paris, 1897, p. 2.

⁴⁵ *M. Robespierre*. Op. cit., p. 396.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 408—411.

городе, вследствие модерантизма повсюду видны грустные следы войны и пожарниц»⁴⁷. Жюльен призывает народное общество бороться с силами реакции: «Мы должны применить самые суровые революционные меры против модерантизма, который уверовал в свою победу и хвастается тем, что ослабил нашу энергию»⁴⁸.

24 жерминаля (13 апреля) Жюльен сообщает Робеспьеру, что Изабо объединяет вокруг себя негодяев и аристократов и не покидает Бордо вопреки приказу комитета: «Момент кризиса настал для Бордо. Мой долг сообщить... об этом тебе, чтобы ты поставил в известность комитет»⁴⁹.

После казни эбертистов Робеспьер, опасаясь перевеса сил умеренных, стремится ограничить репрессии и преследования патриотов. Намекая на требование дантонистов привлечь к процессу Анрио, Буланже и Паша, Робеспьер заявил в Якобинском клубе 30 вантоза (20 марта): «Осмелились составить преступный проект привлечь к процессу всех патриотов...»⁵⁰

В требовании Робеспьера ограничить преследования левых сказалось стремление комитета не потерять поддержки народа. Союз с широкими массами давал якобинцам неиссякаемый источник энергии. Поддержка народа обеспечила им победу над жирондистами и послужила основой установления якобинской диктатуры. Комитет осудил Фуше, бросившего в тюрьму друзей Шалье, и 7 жерминаля (27 марта) отозвал его из Лиона. Робеспьер выступил перед якобинцами против Фуше. Он обвинял Фуше в том, что Временная комиссия, созданная в Лионе, забывая об аристократах и контрреволюционерах, начала процессы против патриотов: «С тех пор как клика Эбера задушена, умеренные и даже те, кто раньше следовал принципам Эбера, напали на самых честных патриотов, говоря, что они эбертисты и дезорганизаторы. Освобожденная коммуна арестовала и оклеветала друзей Шалье, изображая их эбертистами»⁵¹.

В Бордо Жюльен последовательно проводит линию Робеспьера. Он разоблачает Тальена, преследующего левых: «Словом ультрареволюционер,— говорит Жюльен 2 флореаля (21 апреля) в обществе,— заклеймили наиболее доблестных монганьяров»⁵². Жюльен защищал бордоских патриотов, так как видел в них опору правительства: «Этих людей оклеветали в угоду умеренным, а они особенно нужны, когда революция переживает кризис» («Речь об опасности модерантизма»)⁵³. Жюльен установил связи с патриотами, которые зарекомендовали себя противниками Тальена: «Я провожу ночи с ценными людьми, которых я здесь нашел и к которым я еще присматриваюсь, они меня снабжают сведениями, необходимыми для того, чтобы вырвать Бордо из рук мошенников, добычей которых он стал»⁵⁴.

В народном обществе Жюльен видел могущественное орудие осуществления политики комитета: «Аристократия может считать, что она победила в Бордо, братья и друзья, пока народное общество не достигло той степени влияния и силы, которые превращают его в барометр общественного мнения»⁵⁵. Его выступления имеют своей целью активизи-

⁴⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 591, р. 227.

⁴⁸ G. Walter. Histoire de la terreur. 1793—1794. Paris, 1937, p. 337.

⁴⁹ E. B. Courtois. Op. cit., p. 348.

⁵⁰ M. Robespierre. Op. cit., t. X, p. 393.

⁵¹ Ibid., p. 420.

⁵² A. Vivie. Op. cit., p. 210.

⁵³ Ibid., p. 216.

⁵⁴ E. B. Courtois. Op. cit., p. 353 (письмо Жюльена Робеспьеру от 11 прериала (30 мая) 1794 г.).

⁵⁵ A. Vivie. Op. cit., p. 215, 216.

ровать заседания народного общества: «До него (Жюльена.— *Е. К.*) в народном обществе,— сообщал 5 флореаля (24 апреля) из Бордо Жэ своему брату Жэ де Сент-Фуа (*Jay de Sainte-Foye*), депутату Конвента,— было почти безлюдно, но с тех пор как он здесь, на заседания общества не могут попасть и две трети желающих. Своими мудрыми и энергичными речами он вновь пробудил революционный энтузиазм»⁵⁶.

Но в отношении Жюльена к народному движению отразились и противоречия, свойственные якобинской диктатуре. С одной стороны, он не мыслит революции без активного участия народа, а с другой — допускает эту активность лишь в известных пределах. Всячески поддерживая деятельность городского общества, он запрещает собрания секций, которые бордоские революционеры хотели созвать, чтобы продемонстрировать в них свою солидарность с политикой, проводимой Жюльеном⁵⁷.

И тем не менее, повторяем, Жюльен осознавал революцию как движение народных масс.

Находясь в порту Гранвиль, Жюльен писал комитету, что наблюдательный комитет в этом порту ничего не представляет, так как в него входят только несколько местных богачей. Такая же картина в народном обществе. Рядом с этим портом, продолжал Жюльен, расположено славное местечко, представляющее в миниатюре гранвильский Сент-Антуан, населенное бедными, но патриотически настроенными людьми⁵⁸. Он поддерживает борьбу санкюлотов, потому что их большинство на земле: «Повсюду я стремлюсь поднять народ, показать, что революция совершена для него, что пришло время для господства бедных и санкюлотов, поскольку они составляют большинство на земле»⁵⁹.

Усматривая в санкюлотах верную опору революции, Жюльен залогом ее успеха считает защиту интересов народных масс. Социальные чаяния простого люда Франции XVIII в. выражались в наиболее общей форме в эгалитаристских требованиях. Эту черту мировоззрения трудовых слоев населения Жюльен хорошо чувствовал. Выступая в народных обществах во время своей миссии осенью 1793 г., он говорил, что революция должна «распространить благоденствия равенства, сближающего все ранги, уравнивающего людей и мстящего за класс, длительное время презираемый, являющийся наиболее бедным и уважаемым»⁶⁰.

В письме комитету Жюльен просит выделять агентам денежные фонды, для того чтобы они имели возможность более эффективно вести борьбу, в результате которой бедняк не будет зависеть от богатого⁶¹.

Принадлежа к робеспьеристам, Жюльен разделял их социальные воззрения. Он, как и Робеспьер, придерживался умеренного эгалитаризма. Эбертистов он осуждает за то, что они хотели «сделать революцию ненавистой в глазах людей, обладающих имуществом»⁶².

В то же время его взгляды отличались непримиримостью к крупному капиталу. Это выражалось прежде всего в требовании ограничения права собственности. Жюльен и в этом вопросе был близок к санкюлотам. Критика чрезмерного богатства, как орудия угнетения трудящихся, составляет основную черту его мировоззрения. Революция должна заставить богача поделиться с бедняком своими доходами — эту мысль Жюльен неоднократно высказывает в письмах к Робеспьеру⁶³.

⁵⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 502.

⁵⁷ Там же, ед. хр. 591. *Lockroy. Une mission en Vendée. Paris, 1893, p. 262, 263.*

⁵⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 591 (письмо Жюльена в Комитет от 29 сентября 1793 г.); *Lockroy. Op. cit., p. 21.*

⁵⁹ *E. B. Courtois. Op. cit., p. 344.*

⁶⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 591; *Lockroy. Op. cit., p. 60.*

⁶¹ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 591; *Lockroy. Op. cit., p. 4.*

⁶² ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 591; *Lockroy. Op. cit., p. 280.*

⁶³ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 591; *Lockroy. Op. cit., p. 36.*

Революцию Жюльен воспринимает как борьбу против богатых вообще. Отчетливое осознание Жюльеном совершаемой революции как революции бедняка видно из его записок «О духе Французской революции», написанных уже после термидорианского переворота. Осмысливая революционные события, Жюльен писал о своей деятельности: «В чем на самом деле состояли наши преступления? В том, что мы преследовали мошенников, хотели благосостояния бедного и угнетенного класса, осуществляли суровые законы против роскоши и богатства, покровительствовали промышленности и облегчали положение неимущих»⁶⁴.

Жюльен действовал в Бордо в тот период, когда революционное правительство стремилось к восстановлению торговли и традиционных отраслей мануфактурного производства страны, которые в связи с войной, а также вследствие ограничительно-репрессивной политики якобинской диктатуры находились в состоянии застоя. В целях поощрения развития производства комитет по докладу Сен-Жюста 26 жерминаля (15 апреля) принимает решение о предоставлении субсидий торговцам и фабрикантам⁶⁵. Введенный в вантозе «третий максимум», в соответствии с которым повышалась цена на предметы первой необходимости, смягчение репрессивных мер по отношению к торговцам должны были способствовать оживлению внутренней торговли. В области внешней торговли комитет расширяет экспорт и импорт. В вантозе он разрешил частным торговцам экспортировать продукты, не являющиеся товарами первой необходимости⁶⁶. Ряд постановлений комитета в жерминале, флореале и прериале облегчал заключение торговых сделок. Комитет призывал торговцев «употребить свой опыт, чтобы содействовать производству продуктов и товаров, в которых нуждается республика, и экспортировать их излишки»⁶⁷.

Противоречивость экономической политики комитета весной — летом 1794 г. вытекала из того обстоятельства, что, поощряя частную инициативу, комитет неизбежно укреплял позиции собственнических слоев населения. Именно об этом этапе якобинской диктатуры Н. М. Лукин говорил как о периоде, где больше всего выявились колебания и непоследовательность якобинцев. Смягчение максимума, известное «развязывание» свободной торговли хлебом Н. М. Лукин характеризовал как «политику, укреплявшую новую буржуазию и кулака, крупного землевладельца, и бившую по городскому пролетариату и деревенской бедноте»⁶⁸. В то же время комитет не отказывался от основного направления своей экономической политики.

В основе ее по-прежнему лежал принцип государственного вмешательства в экономическую жизнь. «Третий максимум» регламентировал цены на все предметы первой необходимости и был единым для всей страны. Предоставляя субсидии фабрикантам, комитет предписывал им продавать товары по твердым ценам⁶⁹. Средние и крупные земельные собственники были лишены права распоряжаться новым урожаем. 8 мессидора (26 июня) комитет принял постановление о реквизиции хлеба и фуража нового урожая и подтвердил этим решением свое намерение сохранить контроль над распределением продуктов питания.

Комитет не мог не заметить, что, разрешая экспорт, он создает благоприятную почву для обогащения негоциантов. Поэтому он принимает меры, чтобы воспрепятствовать спекулятивным махинациям. Внешнюю

⁶⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 568; В. М. Даллин. Указ. соч., стр. 43.

⁶⁵ Recueil des Actes du Comité de Salut public, publié par A. Aulard. Paris, 1899, т. XII, p. 622.

⁶⁶ Ch. Schmidt. Le Commerce. Paris, 1912, p. 181.

⁶⁷ Ibid., p. 203.

⁶⁸ См. Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I. М., 1960, стр. 375.

⁶⁹ Ch. Schmidt. Op. cit., p. 184.

торговлю он подчиняет регламентации, стесняющей экономическую свободу негоциантов. Сделки могли заключаться только с разрешения Комиссии торговли и снабжения, которая представляла все материалы, касающиеся внешней торговли, на рассмотрение комитета⁷⁰. Комитет оставил за собой право распоряжаться всеми ввозимыми и вывозимыми товарами вплоть до конфискации их у торговцев⁷¹. Предъявление деклараций с подробным перечислением товаров, их качества и количества, с указанием места назначения было обязательным. За разрешение экспорта торговец должен был импортировать товары на ту же стоимость, что и экспортируемые им товары⁷². Комитет лишил негоциантов значительной прибыли, предписывая им отдавать государству две трети вырученной от торговли иностранной валюты⁷³. Наконец, сохранение максимума, даже учитываемые установленные им более высокие цены, чем ранее, было невыгодным для торговцев, которые платили за товары по их реальной стоимости⁷⁴. Ограничительная политика правительства по отношению к верхним слоям буржуазии свидетельствовала, что комитет пошел лишь на известные уступки, но нисколько не намерен отказаться от контроля над крупной буржуазией, стремившейся к свободному накоплению капиталов.

Подозрительное отношение робеспьеристов к крупной буржуазии летом 1794 г. и проявилось со всей ясностью в Бордо во время миссии там Жюльена. В этом крупном центре торговли колониальными товарами XVIII в. негоцианты пользовались особым влиянием. Санкюлоты, защищая свои интересы как потребителей, видели в негоцианте наиболее опасного врага — монополиста, спекулянта. Для Жюльена Бордо представляет «центр торговли и эгоизма». Он обличает своекорыстие крупной буржуазии: «Повсюду я призываю народные общества не доверять коммерсантам, мяскадам и вообще богачам, аристократия которых стоит на очереди вслед за духовенством и дворянством»⁷⁵. В письме Сен-Жюсту от 25 пририала (13 июня) Жюльен отмечает враждебность бордоской буржуазии к революции: «Бордо является очагом крупной оптовой торговли и эгоизма. Там, где много крупных купцов, чрезвычайно много мошенников, и свобода, основой которой является добродетель, не может утвердить здесь свое господство»⁷⁶. Но Жюльену, как и другим робеспьеристам, были свойственны мелкобуржуазные иллюзии относительно «честной торговли». «Торговле нечего опасаться, если она очистит себя от спекуляции, ажиотажа и недобросовестности... Террор будет направлен только против мошенников»⁷⁷. Признание права на существование «честной торговли» означало на деле защиту интересов независимого ремесленника и лавочника в ущерб более бедным слоям санкюлотов — подмастерьям и рабочим.

Однако, преследуя «аристократию богатства», Жюльен боролся против концентрации капиталов в руках новой буржуазии. В этом смысле его деятельность носила антибуржуазный характер.

В народном обществе Бордо молодой революционер объединяет вокруг себя патриотов, заслуги которых состояли в том, что они всегда и везде разоблачали покровительство Тальена бордоской буржуазии⁷⁸.

⁷⁰ G. Lefebvre. Le Commerce extérieur en l'an II. — «Etudes sur la Révolution française». Paris, 1954, p. 182.]

⁷¹ А. Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М. — Л., 1928, стр. 424.

⁷² А. Vivie. Op. cit., p. 223, 224—226.

⁷³ G. Lefebvre. Op. cit., p. 181.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ В. М. Далин. Указ. соч., стр. 39.

⁷⁶ Е. В. Courtois. Op. cit., p. 355.

⁷⁷ В. М. Далин. Указ. соч., стр. 40.

⁷⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 511.

До приезда Жюльена народное общество города состояло главным образом из сторонников представителей Конвента, находящихся в миссии. Изабо удалося провести в нем предложение об одобрении своей миссии⁷⁹. Тальен состоял в переписке с обществом, неоднократно заверявшим его в поддержке⁸⁰.

После отъезда Изабо влияние в обществе патриотов, группировавшихся вокруг Жюльена, усилилось. 27 прериаля (15 июня) Жюльен писал своему товарищу по коллежу Нюгу (Nugues), руководившему бюро комитета после отъезда Жюльена из Парижа⁸¹: «...Я возвратился в Бордо... Там я боролся с интриганами, гнусными личностями... Поддержка народа принесла победу моим принципам, и я завоевал его доверие. Четыре раза меня избирали на почетное место председателя собрания свободных людей»⁸². 21 мессидора (9 июля) Жюльен произвел чистку народного общества, из которого были изгнаны умеренные, спекулянты, торгаши, все лица, которые не могли доказать источника своего существования, и все те, чьи состояния были увеличены во время революции незаконным образом⁸³. На заседаниях общества Жюльен и комиссар Конвента Гарнье⁸⁴, сменивший Тальена, выступали как непримиримые противники крупнособственнических элементов города: «Негоцианты хладнокровно взирают на страдания народа. Горе им!» «...Сведения, которые я получаю, убеждают меня в том, что монополисты, спекулянты, эгоисты, злонамеренные должны опасаться наказания»⁸⁵, — заявлял в обществе Гарнье.

Комитет поддерживал борьбу революционных сил против крупной буржуазии. Специальным постановлением он осудил валютные махинации в Бордо и потребовал от Торгового агентства⁸⁶ установления более жесткого контроля над заключавшимися в городе торговыми сделками.

Ограничительные меры правительства вызвали сильное недовольство бордоской буржуазии. Торговое агентство города сообщало 15 и 24 прериаля (3 и 12 июня), что негоцианты несут большие денежные потери и что революционное законодательство не позволяет развиваться внешней торговле⁸⁷.

Необычайная активность в Бордо всякого рода спекулянтов, старавшихся обойти закон о максимуме, побудила комитет сохранить в нем военную комиссию.

«Я объявил, — писал Жюльен Сен-Жюсту 25 прериаля (13 июня), — что террор поставлен в порядок дня против аристократии, под какой бы личиной она ни выступала. Революционная комиссия, восстановленная в своих функциях Комитетом общественного спасения, вновь возродилась и оказала мне помощь»⁸⁸.

Мы уже говорили, что во время пребывания в Бордо Тальена и Изабо революционная законность нарушалась. Военная комиссия освобождала многих контрреволюционеров. В связи с восстановлением в Бордо военной комиссии комитет в постановлении от 25 флореаля (14 мая)

⁷⁹ Papiers inédits trouvés chez Robespierre, St.-Just, Payant etc. supprimés ou omis par Courtois. Paris, 1828, t. 1, p. 33.

⁸⁰ Ibidem.

⁸¹ M. Bouloiseau. Le Comité de Salut public. Paris, 1962, p. 39.

⁸² ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 427.

⁸³ Там же, ед. хр. 466.

⁸⁴ Гарнье был назначен комиссаром в Бордо 24 прериаля (12 июня), но прибыл на место только 22 мессидора (10 июля). A. Aulard. Op. cit., t. XIV, p. 269—270; t. XV, p. 66.

⁸⁵ A. Vivie. Op. cit., p. 290, 299.

⁸⁶ Торговое агентство в Бордо было создано 11 жерминаля II г. (31 марта 1794 г.) (С. Schmidt. Op. cit., p. 194).

⁸⁷ G. Lefebvre. Op. cit., p. 188.

⁸⁸ E. B. Courtois. Op. cit., p. 358.

заявил, что он «ожидает от новой комиссии революционной твердости и неукоснительного исполнения закона»⁸⁹.

Революционный комитет, куда вошли наиболее близкие Жюльену патриоты Компен, Кассан, Лэ, Гиньян, Весьер, Плено⁹⁰, преследовал торговцев не только в городе, но и в его окрестностях. Жюльен просил Робеспьера предоставить революционному комитету право ареста торговцев по всему департаменту, поскольку многие из них скрываются в сельских местностях. «Я пишу тебе,— добавляет Жюльен,— по совету патриотов»⁹¹.

Революционный комитет контролировал деятельность военной комиссии. В письме Жюльена Робеспьеру от 12 мессидора (30 июня) можно обнаружить, что он подозревает председателя военной комиссии Жакомба во взяточничестве. В этом письме Жюльен запрашивал мнение Робеспьера относительно мер наказания тех лиц, которые требовали денег у заключенных и нарушали законы⁹².

С января 1794 г. Робеспьер все яростнее нападает на взяточников и казнокрадов, а также на крайних террористов, дискредитировавших якобинскую диктатуру неоправданными репрессиями. Одобрив борьбу Робеспьера младшего с Бернаром (из Сента), превратившим террор в орудие угнетения и разбоя, руководитель якобинцев, по свидетельству Наполеона, писал своему брату, что «эксцессы «проконсулов» позорят революцию и губят ее»⁹³.

Робеспьер, воспитанный на литературе Просвещения XVIII в., придавал этике решающую роль в развитии общества. Идеализм Робеспьера сказался в том, что он приписывал закону силу, которая способна подчинить себе все, даже прямо противоположные интересы различных социальных групп. Общественная добродетель декретированная государством, выполняла, по мысли Робеспьера, роль такого спасительного закона. Он полагал, что возможно разрешить противоречия современного ему общества путем введения культа Верховного существа, в основе которого лежало почитание любви к родине⁹⁴. Требование гражданской добродетели в условиях грозных революционных бурь было необходимостью. Ошибка Робеспьера состояла в том, что он пытался ее декретировать и обожествить. Но нельзя не признать глубоко справедливыми его слова: «В системе Французской революции все, что противно морали, противно и политике, все, что ведет к коррупции, контрреволюционно»⁹⁵.

Робеспьер обрушивался на карьеристов, взяточников: «...революция объединяет против нас всех тех, кто втайне мечтал ограбить народ, всех тех, кто хочет грабить безнаказанно, и тех, кто отверг свободу как личное бедствие, и тех, кто увидел в революции выгодное дело, а в республике добычу»⁹⁶.

В идее гражданской добродетели, которая требовала от каждого республиканца любви к родине, бескорыстия и высокой нравственности, стремления к равенству, отразились уравнивательные тенденции робеспьеристов. Люди порочные, аморальные были для Робеспьера потенциальными союзниками богатых. Поэтому борьба с ними столь же важна, как

⁸⁹ A. Vivie. Op. cit., p. 238.

⁹⁰ Ibid., p. 231.

⁹¹ E. B. Courtois. Op. cit., p. 338.

⁹² Ibid., p. 337.

⁹³ A. Mathiez. Etudes sur Robespierre. Paris, 1958, p. 76.

⁹⁴ См. Е. З. Сербрянская. Об эволюции мировоззрения М. Робеспьера. стр. 310—315.— «Из истории якобинской диктатуры 1793—1794». Одесса, 1962.

⁹⁵ M. Robespierre, Op. cit., t. X, p. 354.

⁹⁶ Ibid., p. 356.

и борьба с богачами. В своих записях на вопрос «Кто наши враги?» — Робеспьер отвечал: «Люди порочные и богатые»⁹⁷.

Дальнейшая централизация власти якобинцев весной 1794 г. потребовала от революционного правительства установления жесткого контроля над государственными служащими, с тем чтобы пресечь коррупцию должностных лиц. С этой целью при комитете было создано Бюро общей полиции под руководством Сен-Жюста, а в его отсутствие — Робеспьера и Кутона. Многочисленные пометки Сен-Жюста и Робеспьера на документах бюро показывают, какое большое значение придавали они борьбе со служащими, использовавшими свое положение для личного обогащения⁹⁸.

Считая проявление безнравственности, беспринципности и корыстолюбия прямым шагом к предательству революции, Робеспьер был особенно настойчив в преследовании аморальных депутатов Тальена, Барраса, Фрерона и других, нарушавших принципы революционной законности. В донесениях Жюльена и агентов Бюро общей полиции о поведении Тальена основным обвинительным материалом против этого депутата служат его связи с Терезой Кабаррюс, через посредство которой бордоская буржуазия добивалась смягчения действовавшего революционного законодательства⁹⁹. Робеспьер потребовал все материалы, касающиеся Кабаррюс, переслать в комитет¹⁰⁰. 3 прериаля (22 мая) по инициативе Робеспьера комитет отдал приказ об аресте Т. Кабаррюс¹⁰¹.

В июне борьба Робеспьера с продажными депутатами достигла крайнего ожесточения. 23 прериаля (12 июня) в Конвенте произошла бурная сцена между ним и Тальеном. Робеспьер уличил Тальена в клевете на патриотов¹⁰². Тальен слал Робеспьеру умоляющие письма, пытаясь оправдать свою деятельность в Бордо¹⁰³. Но Робеспьер оставался непреклонным. Он объявил Тальена одним из тех, кто «постоянно с ужасом повсюду твердит о гильотине, будто она ожидает их, чтобы уничтожить Национальное собрание и внести в его ряды беспокойство»¹⁰⁴. Донесения Жюльена убеждали Неподкупного, что Тальен изменил революционным принципам. Но Робеспьеру нужны были и конкретные факты преступности этого человека.

Вместе с бордоскими якобинцами Жюльен день за днем распутывает клубок интриг в Бордо. Он требует ареста Т. Кабаррюс, а также Фонтана, Лемоля, тесно связанных с Тальеном¹⁰⁵. Но собрать конкретные факты, подтверждающие продажность Тальена, Жюльен смог только в конце июля. В архиве Жюльена сохранился документ, разоблачающий Тальена. Он датирован 3 термидора (21 июля). Подпись под ним отсутствует. Судя по содержанию, документ составлен, по-видимому, одним из якобинцев Бордо. В нем упоминаются имена патриотов, с которыми Жюльен поддерживал отношения во время пребывания в Бордо. «Патриоты Жэ, Дюре, Мартино, Бонне... Оре старший, все эти лица, которых я очень уважаю, имеют сведения о приводимых фактах, которые изобличают это логово злодейства».

⁹⁷ Papiers inédits trouvés chez Robespierre, St.-Just, Payant etc., t. II. Paris, 1828, p. 13.

⁹⁸ A. Ordning. Le bureau de police du Comité de salut public. (Etude sur la terreur), Oslo, 1930, p. 11, 12, 14, 15, 40, 41, 58, 82, 110, 111.

⁹⁹ Ibid., p. 111.

¹⁰⁰ Ibidem.

¹⁰¹ Ibidem.

¹⁰² Buchez, Roux. Histoire parlementaire de la révolution française. Paris, 1837, t. XXXIII, p. 219.

¹⁰³ Papiers inédits... Paris, 1828, t. 1, p. 33.

¹⁰⁴ Buchez, Roux. Op. cit., t. XXXIII, p. 218.

¹⁰⁵ E. B. Courtois. Op. cit., p. 353.

«Я намерен распутать лабиринт меркантильных интриг, которые имели место в Бордо», — так начинается обвинительный акт против Тальена и Изабо.

«Мейер, заключенный в тюрьму, заплатил за свое освобождение 60 тыс. франков. Другие получили свободу и сохранили свою жизнь, уплатив значительные суммы за неисполнение приговора. Я глубоко убежден, что представители в Бордо были причастны к торговле законом и к расхищению национального имущества. Им тайно делали богатые подношения. Почему требовали у арестованного гражданина Дюшателя золотую шкатулку ценой 900 франков для представителей? Почему Берке, юре-департамент д'Амбес (Бек д'Амбес — так назывался департамент Жиронда в 1793—1794 гг. — *Е. К.*), просил у Дютаста, национального агента коммуны, денег на покупку имущества для Изабо? Что стало с серебряной утварью, изъятой из многих церквей и переданной Изабо, который никогда никому не давал расписки в получении?.. Ови, богатый голландский негодяй и заводской контрреволюционер, был освобожден Фонтаном за вознаграждение... Почему Лемоль... и Фонтан выставляли напоказ вызывающую роскошь в Париже? Почему Лемоль и Тальен были неразлучны? Почему оправдывали подозрительных аристократов? Почему храм юстиции превратился в храм торговли, в гнусный притон ажиотажа и эгоизма?...»¹⁰⁶

Этот компрометирующий Тальена документ, составленный всего за шесть дней до рокового дня 9 термидора, не попал в руки Робеспьера. В последние дни якобинской диктатуры молодой революционер с ослабевающей энергией боролся за осуществление принципов революции.

Жюльен уделяет большое внимание одной из самых жгучих проблем революции — организации снабжения населения продовольствием. Он сообщал комитету, Робеспьеру, Сен-Жюсту, Ленде, Бареру о тяжелом продовольственном положении в Бордо. В письме Сен-Жюсту от 25 пре-риала (13 июня) Жюльен писал: «Изабо ... повсюду заявлял, что, поскольку он живет в департаменте Бек д'Амбес, этот край не стал добычей голода. Вопреки утверждению Изабо в Бордо был голод. В то время как к столу Изабо подавали белый хлеб, бедняк с трудом доставал немного фасоли и кусок черного хлеба, выпеченного из порченой муки»¹⁰⁷. Бареру Жюльен сообщал, что во «многих коммунах департамента выдают по четверти фунта черного хлеба и горсти недоброкачественной фасолевой муки»¹⁰⁸. Соблюдение максимума Жюльен считал необходимым условием обеспечения населения продовольствием и следил за тем, чтобы муниципалитет Бордо «не предавал забвению закон о максимуме»¹⁰⁹.

Опыт революционной борьбы подсказывал Жюльену необходимость продолжения террора против крупных торговцев, не прекращавших своих махинаций. Он чувствовал, что, несмотря на террор, буржуазия сохраняет силу. Гарнье после беседы с Жюльеном, который познакомил нового комиссара с обстановкой в городе, сообщал комитету 22 мессидора (10 июля), что «атмосфера торгашества здесь господствует, как и прежде, и эгоизм неотделим от ажиотажа»¹¹⁰. Выступая в обществе Ла-Рошели, Жюльен всячески старался заострить внимание присутствующих на том, что буржуазия питает лютую ненависть к революционному порядку. Он предостерегал: «Бордо не оправился от болезни торгашест-

¹⁰⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 455.

¹⁰⁷ *E. B. Courtois. Op. cit.*, p. 356.

¹⁰⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 591.

¹⁰⁹ Там же, ед. хр. 583.

¹¹⁰ *Recueil des Actes du Comité de Salut public, publié par A. Aulard, t. XV. Paris, 1897, p. 66.*

ва. Партия коммерсантов и мяскаденов кажется скорее озлобленной, чем сложенной»¹¹¹.

Именно потому что Жюльен видел в крупнособственнических элементах таких же внутренних врагов республики, как и аристократов, он призвал народные массы бороться за продолжение революции. Молодой революционер всецело поддерживал Робеспьера и Сен-Жюста, настаивавших на необходимости сохранения революционного порядка после перелома в войне, уменьшившего роялистскую опасность.

Летом в связи с перспективой близкого окончания военных действий перед якобинцами со всей остротой встал вопрос о судьбе революционного правительства. В этот период ожесточенной борьбы между недавними соратниками Робеспьер вновь и вновь возвращается к идеальным представлениям об обществе, которое будет создано революцией. Он возражает тем, кто только в военных успехах видит способ укрепления республики: «Республика — это не торжественные демонстрации, не победа, не богатство, не преходящий энтузиазм, это мудрые законы и, главное, добрые нравы, чистота и постоянство правил управления»¹¹².

Жюльен в Бордо пропагандирует эти положения Робеспьера, он старается внушить народным массам мысль о том, что победы, одержанные на фронтах против европейской коалиции, не должны ослаблять борьбу с внутренней контрреволюцией. Наоборот, они стимулируют борьбу с силами, враждебными революции. «Победа принципов над интриганами и мошенниками является неотложной задачей народного общества и революционного правительства»¹¹³. Жюльен особо подчеркивал, что «республика обязана своими военными успехами исключительно революционному правительству, которое одно обладает силой, способной сокрушить армии европейских монархов»¹¹⁴.

Ни Робеспьер, ни Жюльен не подозревали, что события в июле будут развиваться с такой молниеносной быстротой, что противники Робеспьера среди якобинцев сомкнутся с контрреволюционными силами и день 9 термидора станет днем падения революционного правительства.

В то время как в Париже к власти пришли термидорианцы, бордоский революционный комитет продолжал борьбу с реакцией. В конце июля он приступил к аресту контрреволюционеров, незаконно освобожденных военной комиссией. 12 термидора (30 июля) комитет арестовал торговцев Лаверня и Шанжера, выпущенных из тюрьмы 26 жерминали (15 апреля), которые признались, что они дали взятку Лакомбу¹¹⁵. На основании этих донесений революционный комитет потребовал, чтобы Гарнье арестовал Лакомба. Это требование свидетельствует о том, что комитет стремился предать суду революционного трибунала всех лиц, замешанных в интригах в Бордо. Жюльен еще в начале своего пребывания в городе надеялся, что Тальен будет арестован. Поэтому, когда Изабо пустил слух в Бордо об аресте в Париже этого депутата Конвента, Жюльен поверил этой версии¹¹⁶. Уже позже, в период термидорианской реакции, Компен писал Жюльену, что Изабо был прислан своим коллегой Тальеном в Бордо, чтобы избежать наказания, которое ему угрожало. «У Гарнье, — добавляет Компен, — имелись все доказательства преступлений, совершенных в Бордо. Вор задушил все»¹¹⁷. Процесс Лакомба, на котором настаивал революционный комитет, неизбежно скомпрометировал бы Тальена и Изабо, виновных в тех же преступле-

¹¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 624.

¹¹² *M. Robespierre*. Op. cit., t. X, p. 476.

¹¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 467.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ *P. Bécamps*. Op. cit., p. 297.

¹¹⁶ *E. B. Courtois*. Op. cit., p. 351.

¹¹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 503.

дора (15 августа).— Когда адрес зачитали, он вызвал всеобщее возмущение... Один из членов клуба поднялся и заявил: ...я полностью солидарен с моралью, которую проповедовал Жюльен, с принципами, которыми он руководствовался, и теми хорошими делами, которые он совершал. Зал встретил эти слова громом аплодисментов»¹²⁶.

В связи с тюремным заключением Жюльена якобинцы направляли его отцу, депутату Конвента от департамента Дром, множество писем, где подчеркивали республиканские убеждения Жюльена¹²⁷. Письмо Жюльена в общество, зачитанное на заседании 19 и 20 фримера (9 и 10 декабря), вызвало одобрение всех присутствовавших¹²⁸. По предложению Буке было принято решение послать отцу Жюльена адрес, в котором общество «заверяло в том, что Жюльен младший навсегда останется братом и другом общества». Под заявлением подписалось большинство членов общества¹²⁹.

Жюльен в Бордо сплотил вокруг себя патриотов, которые и после термидорианского переворота остались верны принципам революционного правительства. Компен выступил с резким обличением Изабо: «Вор, заговорщик, злодей, покровитель мошенников, которыми кишит Бордо, действует все эти дни. Вместе со своим коллегой Тальеном он заправляет здесь всем». Компен делал категорический вывод: «вор, развращенный человек сменил Робеспьера»¹³⁰. Гевисс признавался после Термидора Жюльену, что он в большей степени робеспьерист, чем сам Жюльен¹³¹.

Тем не менее во время разгула термидорианской реакции многие революционеры в Бордо старались скрыть свои симпатии к Робеспьеру. Они чувствовали свою слабость перед контрреволюционным террором, охватившим всю страну. И вместе с тем внутренне они не примирились и не признали новый режим. Об этом красноречиво писал Жюльену Компен: «Мой дорогой друг, когда я тебе пишу, что в Бордо существует контрреволюция, ты можешь мне поверить. Она так сильна, что добродетельный народ, видя ее силу и страшаясь террора, боится, чтобы услышали его стоны, и сдерживает свое возмущение»¹³².

В результате переворота 9 термидора восторжествовала буржуазная реакция. Робеспьеристы были разгромлены. Однако деятельность Жюльена в Бордо отчетливо показывает, что Робеспьер и его сторонники понимали всю опасность со стороны умеренных, выражавших интересы новой спекулятивной буржуазии, возникшей во время революции, и принимали меры по борьбе с ней.

Марк Антуан ЖЮЛЬЕН (Жюльен-младший, Жюльен де Пари)
10.03.1775 — 4.04.1848

Переписка семьи Жюльен

В.Александрри. Из истории Французской революции XVIII века.

Обзор коллекции Марка Антуана Жюльена де Пари

К.Державин. Марк-Антуан Жюльен

и его пьеса «Обеты гражданок»,

с текстом пьесы в русском переводе,

и другие материалы о персонаже можно скачивать здесь:

http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#m_a_jul

¹²⁶ Там же, ед. хр. 505.

¹²⁷ Там же, ед. хр. 506—508, 510, 513—518, 532—534.

¹²⁸ Там же, ед. хр. 535.

¹²⁹ Там же, ед. хр. 514.

¹³⁰ Там же, ед. хр. 503.

¹³¹ Там же, ед. хр. 512.

¹³² Там же, ед. хр. 503.